

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

DOI 10.31029/vestdnc89/4

УДК 94(470.67)

«ТАРИХ АНДИ» – ПАМЯТНИК ЛОКАЛЬНОЙ (СЕЛЬСКОЙ) ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ДАГЕСТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Х. А. Амирханов¹, ORCID: 0000-0002-9904-2539

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

Р. А. Чупанов², 0000-0000-0000-0000

²независимый исследователь, Махачкала, Россия

“TARIKH ANDI” – THE NEW WRITTEN SOURCE OF THE LOCAL (VILLAGE) HISTORY IN THE CONTEXT OF DAGHESTAN HISTORIOGRAPHY TRADITION

Kh. A. Amirkhanov¹, ORCID: 0000-0002-9904-2539

¹Institute of Archaeology of RAS, Moscow, Russia

R. A. Chupanov², 0000-0000-0000-0000

²independent researcher, Makhachkala, Russia

Аннотация. В статье публикуется в переводе авторов с аварского языка на русский язык рукописный текст, написанный в традициях дагестанской арабоязычной историографии и посвященный древностям одного из самых крупных сел Западного Дагестана – Анди. Осуществлен анализ, затрагивающий вопросы датировки рукописи, ее авторства, содержания и значимости как исторического источника и историко-культурного объекта.

Abstract. The article publishes a handwritten text, translated by the authors from the Avar language into Russian, written in the traditions of Daghestan Arabic-language historiography, and dedicated to the antiquities of one of the largest villages of Western Daghestan – Andi. An analysis has been carried out that touches upon the issues of dating the manuscript, authorship, content and significance as a historical source and historical and cultural object.

Ключевые слова: Дагестан, письменный памятник, рукопись, «Тарих Анди», локальная история, традиционная историография.

Keywords: Daghestan, written source, manuscript, “Tarikh Andi”, local history, traditional historiography.

Введение

В 1959 г. в начале своей научной карьеры дагестанский этнограф М.А. Агларов (1935–2017) выявил неизвестную ранее исследователям рукопись, посвященную истории крупного и исторически значимого населенного пункта Западного Дагестана – Анди, являвшегося центром Андийского союза сельских обществ и нередко именовавшегося в устной и рукописной традиции термином *шагъар* – «город». Фрагменты ее в переводе на русский были в свое время приведены в печати [1]. Однако до настоящего времени рукопись в полном виде не публиковалась. Как указывал М.А. Агларов, он получил рукопись от жителя с. Анди Пайзулава Шамхалова в виде сделанного последним перевода с арабского языка на аварский. Оригинал рукописи М.А. Агларову оказался недоступен, но его местонахождение якобы было известно П. Шамхалову. При свойственной в те годы дагестанцам фетишизации текстов на арабском языке и подозрительном к ним отношении государственной власти сокрытие оригинала описываемой рукописи удивления не вызывает. Можно предположить, что она и сейчас хранится у потомков П. Шамхалова, в библиотеке андийской мечети¹ или в какой-нибудь частной коллекции рукописей, и не исключено, уже не в Анди.

¹ Археографическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, работавшая в 2009 г. в Анди, не обнаружила в книжной коллекции местной соборной мечети оригинал обсуждаемого сочинения.

В дополнение к сказанному, вне поля зрения исследователей находится в настоящий момент и перевод данного труда на аварский язык. Местонахождение оригинала перевода авторам неизвестно. Он мог храниться у самого переводчика или у М.А. Агларова. Надежда на то, что этот текст обнаружится в их частных архивах, кажется призрачной. Ксерокопия перевода была в свое время передана М.А. Агларовым одному из авторов этих строк, уроженцу с. Анди Р.А. Чупанову. Мы посчитали своим долгом опубликовать этот уже давно фигурирующий в научной литературе, но никогда ранее публиковавшийся в полном виде текст по истории селения Анди. Иначе, может случиться, от данного источника не останется никаких материальных следов и образуется простор для связанного ним нового мифотворчества.

Общая характеристика источника

Рукопись перевода, которой располагал М.А. Агларов, представляла собой школьную тетрадь в клетку, произведенную в 1958 г. Текст написан на аварском языке рукой названного П. Шамхалова и занимает 19 страниц. На обложке тетради дано название «*Ганди росдал некIсияб рукIа-рахъиналъул история*», в буквальном переводе оно звучит как «История житъя-бытъя селения Анди в древности»). Является ли это реальным названием работы или оно дано переводчиком – нам не известно. Представляется, что в арабском звучании словосочетание «житъе-бытъя» в названиях сочинений подобного рода не очень употребительно. Примечательно, что в названии переводчик использует слово «история», а не его арабский эквивалент *тарих*, понятный каждому дагестанцу. Скорее всего, переводчик преобразовал название на новый лад, более понятный, с его точки зрения, современнику. Публикатором фрагментов рукописи М.А. Агларовым данному сочинению было дано условное название «Тарих Анди». Этого названия будем придерживаться и мы. Совсем не исключено, что именно так по дагестанской историографической традиции и называется данная рукопись в оригинале.

Знаки препинания в переводном авароязычном тексте рукописи практически не используются; абзацы отсутствуют. Множество грамматических ошибок и далекий от совершенства стиль аварского языка объясняются тем, что для автора-андийца аварский язык не являлся органичным в такой мере, как андийский. Степень адекватности перевода на аварский с арабского языка не ясна. В своем переводе на русский мы попытались обеспечить максимальную близость к оригиналу аварского перевода. Хотя при данных обстоятельствах стремление к грамматико-стилистическому тождеству переводимого текста исходному представляется не столь существенным. Отчасти поэтому для лучшего восприятия текста в переводе на русский язык нами используется разбивка на абзацы. Аутентичность перевода исходному тексту в содержательной части соблюдена. Приведем ниже наш перевод. В сносках даны наши пояснения и примечания.

Перевод рукописи

«В древние времена земля Дагестана не была заселена людьми. С разных сторон сюда стали прибывать люди, спасавшиеся от преследований. Они подбирали места, удобные для основания сел, и начинали строить там для себя дома.

Однажды охотники, бродившие в поисках дичи, наткнулись на стадо оленей и стали преследовать его. Им удалось убить двух оленей; стадо же скрылось от них в лесу. Среди преследователей были Ануш сын Шамхала и его брат ... шах (*неразборчиво*. – Авт.), а также их родственники по имени Улубей и Харчи. Старшим по возрасту был Ануш. Находясь в горах на охоте, они выбрали в лесу подходящее место, развели там огонь и варили мясо добытых ими оленей. Здесь же они и переночевали. Недалеко от места ночевки наткнулись на медведя. Убив этого медведя, подумали о том, что в этом месте есть и лес, и вода, и (*неразборчиво*. – Авт.) – так почему бы здесь не обосноваться.

Поскольку Ануш был старшим, спутники его послушались, и все четверо стали хозяйствовать, построив в лесу дома. Так понемногу образовалось небольшое село. Через некоторое время их дети придумали для села название – Анди. А двум своим тухумам дали имена предков – Шамхал и Харчи. Ближним и дальним местам также присвоили названия.

На окраине села возвышалась стела с изображением орла и меча. Рядом со стелой по сторонам от нее были возведены две высокие башни. А в лесу они построили большую ограду-ловушку для зверей с узким проходом в нее. За входом присматривал сторож, который поднимал тревогу, когда в ловушку забредал зверь. При дележе добычи сторожу полагалось три головы.

Село установило также стелы с изображением орла в горах по границам своих владений. К этому времени село стало крупнее и сильнее окружающих.

Так прошло много времени. К постаревшему Анушу, семья которого насчитывала уже 50 домов, отовсюду приходили люди с просьбой выделить им землю. Он, предоставляя им землю, облагал их податью. Как рассказывают, Ануш прожил 230 лет. При этом, сколь много лет ни проходило, выглядел молодо.

В 760 году² ханом в Анди был человек из рода Ануша по имени Харчи. В Кежани ханами были двое двоюродных братьев – Убайхан и Мирзахан. Между этими двумя ханами и Харчиханом были тесные уважительные отношения.

По поводу большой свадьбы – женитьбы сына Мирзахана на дочери Убайхана вместе со многими товарищами Харчихан отправился в Кежани.

Убайхан пригласил из Мехельта, Риквани, Муни известных ему авторитетных сельских ханов, их семьи, родню и соседей. Мирзахан пригласил из Анди Харчи из тухума Ануша вместе с пожелавшими присоединиться к нему другими богатыми людьми, а также ханов из разных других селений. В эти времена в каждом селе было по одному хану. Хан избирался каждый год. Хань разных сел были тесно связаны друг с другом. Особенно крепко были связаны друг с другом Харчихан из тухума Ануша и Мирзахан из Кежани. Отправляясь к Мирзахану, андиец Харчихан и его товарищи везли с собой полные хурджины³; один хурджин был наполнен едой, а другой – напитками. Перед собой они гнали 100 баранов.

В застольях прошло шесть дней, когда из Анди пришло известие о смерти родственника, и на седьмой день к вечеру Харчихан и его товарищи начали собираться домой. Когда они уезжали, проводить Харчихана с его товарищами пришли все ханы и много других людей. Убайхан же (отец невесты) не сдвинулся с места, словно камень, даже не привстал. В этом селе для отца невесты считалось унижительным провожать гостей, прибывших на свадьбу со стороны жениха. Не зная этого и посчитав себя оскорбленным, Харчихан отрубил Убайхану голову. Случилась большая битва, в которой были убиты жених и невеста, а также люди, приглашенные отовсюду, а также сами сельчане. Жестокая стычка Мирзахана и Убайхана, в которой было много жертв, была замирена маслаатом⁴.

В те времена местом, где разрешались дела, случившиеся в Дагестане, был Хунзах. За ранение человека взымался бык, за убийство человека изгоняли из села.

Указанная битва произошла в конце 760 года. В конце 761 года⁵ собрались ханы из всех сел и начали стали искать решение. Суд состоялся спустя год. Суд постановил изгнать из села Мирзахана со всем его тухумом и поселить его в Анди. Учитывая, что причиной произошедшего был Харчихан из Анди, суд обязал его выплатить за каждого убитого по быку, а Мирзахана и членов его тухума – построить дома, выделить пахотную землю, долю пастбищных гор и принять их всех в

² Здесь и ниже даты соответствуют летоисчислению по хиджре. 760 г.х. начался 10 декабря 1358 г.

³ Двучастные перекидные сумы.

⁴ Замирение при посредничестве джамаата, общины.

⁵ 761 г.х. соответствует период с 30 ноября 1359 г. по 17 ноября 1360 г.

свой тухум. В 761 году Мирзахан с 96 семьями его тухума со всем своим скарбом были устроены в Анди при участии главы дагестанского суда Манафа из Хунзаха и приехавших ханов. Оставшиеся в Кижани дома были переданы Убайхану. Принадлежавшая им (тухуму Мирзахана. – *Авт.*) земля за ними и осталась. Она была отдана в пользование, за полагающуюся Мирзахану плату, жителям из Убайхановых; участки, расположенные вблизи села Зило, на этих же условиях были переданы зиловцам.

Харчихановы и Мирзахановы жили по-братски и заключали между собой браки. Тухум нарекли именем предка.

В 800 году⁶ суд решил выселить из местности Щубут членов 30 семей, у которых случилась вражда с жителями окрестных сел. Среди выселяемых был самый богатый в селе человек по имени Унсур. Имея старые связи с андийцами, он пришел к андийском хану с просьбой принять его в село. Ответив, что он обладает обширными землями и богатством, андийский хан принял его как члена своей семьи, разрешил Унсору поселиться в селе, определил место для постройки домов и выделил опытных мастеров-строителей. Унсур и его тухум решили для себя наилучшим перейти на язык большого села, приютившего их. Они прикладывали много усилий и уже скоро овладели этим языком. Унсур обещал подарить тому, кто раньше всех овладеет андийским языком, потомственный золотой медальон. На оборотной стороне этого предмета с большим изображением портрета предка была надпись: «Запретно для человека, в чьем сердце есть место для страха, хотя бы с размером с муравья. Если люди моего тухума сгинут, то пусть этот медальон захоронят с последним из них».

Унсур пригнал с собой 6000 овец, 160 быков, 300 коров, а также привез отлитое из стали изваяние быка. Это изображение возвышалось прежде над троном его предков и означало: «Мы мощные быки». Поскольку это была реликвия предков, предмет забрали с собой. Ее установили на окраине села Анди на высоком толстом деревянном столбе, возвышавшемся над каменной башней высотой 160 метров. Еще до его установления в селе был большой камень с изображением орла и меча.

В течение 60 лет между селами шли раздоры. Большие села беспокоили маленькие. В это время самым маленьким было село между селами Ботлих и Миарсо. Называлось оно Дади. Так же звали предка, основавшего это село. В селе было два тухума, образовавшихся от двух братьев: Дадила, получившего имя от названия села, и Абича. Абич и Дадил были братьями. О них повсюду шла молва как о злодеях. Не было уголка, где бы о них не слышали. Однажды ночью Дадил направился в село Ансалта. Здесь он украл пять хороших лошадей, пригнал в Анди и подарил хану. К рассвету, до пробуждения людей, он вернулся домой и улегся спать. Абич же ограбил в Ботлихе дом богатого человека и спрятал похищенное имущество. Кто бы и где бы ни совершал воровство, подозревали всегда этих двоих. Поймать их с поличным, однако, не могли. Когда жалоб жителей соседних сел стало слишком много, из Хунзаха прибыли ханы и увезли их обоих с собой. Село же их было окружено, и никто из жителей не мог его покинуть. Село уподобилось тюрьме. Суд разослал по всем селам письма с извещением о принятом решении выслать жителей села Дадил.

В письме говорилось, что село, которое примет жителей Дадил и обеспечит в отношении них необходимые меры усмирения, получит от хунзахского хана, которому покорны дагестанские ханы, золотое изображение орла с портретом хана, 25 луков и 30 сабель. Из-за недостатка земли ни один хан на это не откликнулся. Андийский же хан отправил к хунзахскому хану посланца с письмом. В письме говорилось следующее: «Именем высокого креста начинаю, высокочтимый уважаемый хан – тот, кому подвластен Дагестан и (кто есть) наша крепкая защита от врагов. Я готов исполнить твое пожелание и принять пять таких селений, как Дадил. И (воистину) будет мною ис-

⁶ Начался 1 октября 1397 г.

полнено твое повеление». Хан передал посланцу сверх обещанного серебряный крест и освободил находившихся в заточении Дадила и Абича, дав им необходимое наставление.

Не мешкая, Дадил переселился в Анди и обрел здесь родину. По поводу этого переселения жители окрестных сел собрались на одном майдане и устроили праздник. Радость была большая и день этот стал праздником. И называли этот день днем избавления от бедствия. Праздник этот отмечался ежегодно.

Узнав о ликованиях в окрестных селах по поводу переселения жителей села Дадил, андийцы объявили праздником день их прибытия в Анди. В ознаменование этого в один день было зарезано 200 быков, 450 баранов и устроено торжество. На торжество приехали ханы из Хунзаха и Кумуха. Прибыли и цумадинские ханы. Из Кумуха вместе с ханом приехали 160 человек. Они пригнали с собой 250 баранов. Хунзахского хана сопровождало около 200 человек. Они пригнали 160 быков и коров. Торжество продолжалось 27 дней без перерыва. Это событие отмечалось ежегодно.

После этого село Анди стало шеститухумным и самым мощным для отпора врагам. В отличие от других оно никому не подчинялось. Тем единственным, кому были покорны, это, да еще одно село – Кумух, был хунзахский хан. Не было сел, которые не подчинялись ему. Он обложил податями весь Дагестан и собирал эти подати. Здесь осуществлялся и суд по делам, происходившим в Дагестане. Решения суда оставались неизменными до тех пор, пока был жив хан. Если новый хан менял решения, то делал это, созвав ханов всех сел.

Подати учитывали все, вплоть до куриных яиц. С каждого дома взималось три дирхема в деньгах и золотых предметов на три дирхема. С пахотного поля – одна мерка (*къали*) урожая; овец – одна голова с сотни; крупного рогатого скота – 1 голова с сотни; винограда – 1 корзина. С торговцев – 2 тюка ткани. За убийство человека, который сам не был повинен в убийстве, с его тухума взималось 100 овец. С каждого села – по 5 лисиц (*лисыих шкур. – Авт.*): 1 черная, 4 красных. За поранение взимался бык. Тухум, учинивший войну против другого тухума, изгонялся.

И еще – в своих книгах или на каменных плитах делали записи, начиная со сведений о смерти или женитьбе до песен и общесельских событий. Записывали не только случившееся у себя, но и то, что случалось в других селах.

Над троном хана устанавливался крест. Днем и ночью хана оберегала охрана, сменявшаяся три раза в сутки.

Когда кто-то умирал, могилу для его погребения сооружали в виде каменного домика. Туда укладывали покойника. На (сооружении) жгли дрова до образования углей и только поверх этих углей засыпали землю. Это предписывалось их верой. В могилу клали то, что имело отношение к тому делу, которым покойник занимался при жизни. Если был воином – клали саблю.

Для защиты от врагов в селах возводили башни. Появлялись люди, нарушавшие законы, установленные ханом, и занимавшиеся разбоем.

В каждом селе была церковь. Были и изображения древних святых, поклонявшихся кресту.

При засухе устраивали шествие на гору с самым почитаемым крестом и изображением святого. Богатые делились с бедными пищей. Если дождь не шел, то и неделю не возвращались домой.

Иногда между селами возникали раздоры. Тогда дело разрешалось маслаатом.

Когда арабы пришли завоевывать Дагестан, здесь в каждом селе был свой хан. Однако все они были покорны хунзахскому хану Суракату по прозвищу Нуцалхан. Именно Суракат в это время собирал все подати, на что содержалось войско. Этот хан правил в 201 году⁷ хиджры».

⁷ Начался 2 августа 816 года. Есть вероятность, что автор перевода с арабского ошибся вследствие схожести написания цифр 1 и 6, и дату следует читать как 601 год – 1204 год. К этому периоду относят правление Сураката исследователи, в т.ч. А.Р. Шихсаидов [2, с. 206], А.Е. Криштопа [3, с. 45].

Интерпретации и выводы

1. О датировке источника. Как и большинство подобных работ, рассматриваемый текст не датирован и авторство его не обозначено. Привлечь для датировки такие внешние характеристики рукописи, как почерк, бумага, чернила, текстологический анализ и т.п., не представляется возможным, т.к. оригинал рукописи остается недоступным для изучения. Остается основываться на содержании текста, включая состав освещаемых в нем исторических событий, а также на используемых в работе терминах, титулатуре, географических, метрологических, нумизматических и т.п. понятий. При таком подходе к вопросу возникает возможность отнесения текста исходной рукописи ко времени гораздо более раннему, чем конец XIX в., как это предположил первый публикатор фрагментов данного сочинения [1]. В ином случае трудно объяснить отсутствие в сочинении каких бы то ни было упоминаний о событиях Кавказской войны, которые коснулись Анди самым непосредственным образом и порой в драматичных проявлениях.

Сочинение не соответствует и самому стилю подобных произведений дагестанских авторов второй половины XIX в. По меткому наблюдению М.А. Мусаева [4], исторические сочинения, предшествующие по времени Кавказской войне, представляют собой повествование о далеком прошлом, рассчитанное на современников пишущего, а труды XIX в. практически всегда описывали события современные и были адресованы читателям будущего. В этом отношении «Тарих Анди» стилистически, несомненно, попадает в категорию произведений первого типа. Оно хорошо ложится в длинный ряд сочинений, составляющих стиль эпохи в творчестве интеллектуалов-книжников Дагестана второй половины XVIII в. По-видимому, такое большое село, как Анди, не обошла стороной распространенная тогда мода на написание локальных (сельских) историй.

Следуя предложенной выше логике и будучи последовательными, мы должны принять во внимание и то, что в рукописи отсутствуют сведения не только о Кавказской войне, но и о других событиях, являющихся эпохальными для истории Дагестана и отложившихся с различной степенью явственности в исторической памяти андийского общества. Этот ход мыслей трудно опровергнуть ссылкой на то, что автора рукописи интересуют события, касающиеся только села Анди или исключительно в связи с историей Анди. Два события, которые имеются здесь в виду, коснулись андийцев непосредственно, – это нашествие Тимура и менее значимое, но важное в истории андийцев событие – разгром гагатлинцами дружины гумбетовского владельца Турулава [5].

Принимая во внимание сказанное, казалось бы, возникает возможность отнесения рукописи ко времени ранее указанных событий, т.е. чуть ранее рубежа XIV–XV вв. Такую возможность допускает и содержание самой рассматриваемой рукописи. Конкретные события, о которых повествует автор, происходят, когда: в андийском обществе еще живы в деталях воспоминания о былой их приверженности христианству; в Анди популярно имя Харчи-хан (Херчи-хан), производное от монгольского *харчи* (название служилого сословия среднего ранга) [6]. Известно, что название указанной сословной страты было распространено на Северном Кавказе в период Золотой Орды и более известно в Дагестане и в Крыму в форме *карачи*.

Далее, во время написания «Тарих Анди», по всей видимости, еще не было известно огнестрельное оружие, а лук и стрелы являются престижным оружием; в Дагестане имеет хождение монета «дирхам». Известно, что дирхемы имели хождение в XIV – начале XV в. в Золотой Орде, распространявшей свое влияние на Горный Дагестан. Именно X–XV вв., по мнению признанного знатока древней письменной культуры Дагестана А.Р. Шихсаидова, должны быть выделены в отдельный и весьма значимый этап арабоязычной историографической традиции Дагестана. В это время были написаны «Дербенд-наме», «История Ширвана и Дербенда»; «История Абу-Муслима» и одноаульные хроники; исторический свод «Тарих Дагестан» [7, с. 12] и другие сочинения.

Такой поворот в вопросе датировки рукописи теоретически был бы допустим. Однако этому противоречит то, что в сознании автора события «хроники» происходят в период политического

доминирования в Дагестане Аварского ханства, а не Казикумухского шамхальства, т.е. это время не ранее XVI в. Нельзя не учитывать и тот факт, что поддерживаемая преобладающим числом историков датировка «Тарих Дагестан» XIV в. в настоящее время оспаривается. Текст последнего, на который прямо или косвенно опирался автор «Тарих Анди», относится по обоснованно предложенной версии к XVIII в. [8].

Таким образом, до выявления оригинала вопрос о датировке рассматриваемой рукописи не может быть решен однозначно. Если основываться на логике современного источниковедческого анализа и учитывать при этом специфику дагестанской традиционной историографии, то данный текст мог быть создан в любой из двух отрезков прошлого: вторая половина XVIII в. или конец XIX и начало XX в. Более правдоподобным из них авторам представляется вариант датировки текста второй половиной XVIII в. Хотя смущает наличие в тексте названия меры длины «метр». Использовалось ли в Дагестане это понятие во второй половине XVIII – начале XIX в.? Очевидно, что нет. К концу XIX в. в России, Османской империи, Персии сохранялись традиционные меры длины. Очевидно, что более позднее включение в текст слова «метр» можно рассматривать как вольность переводчика с арабского на аварский.

2. Об авторе рукописи. Неизвестный нам по имени автор рукописи ставит своей задачей изложение истории именно сельской и именно села Анди. Здесь не видно каких бы то ни было проявлений общеандийского единства и подчеркнутой причастности к нему автора. Это сочинение человека с психологией члена дагестанской сельской общины – своеобразного полиса раннего типа.

Если перевод на аварский не подвергся содержательной редактуре, то автор рукописи принадлежал, скорее всего, к андийскому тухуму Шамхаловых (Шамххваладул). Шамхал назван в рукописи отцом Ануша и старшим родственником Харчи (Херчи) и Улубея – основателей (по версии автора рукописи) первых андийских тухумов. В тексте не только имеется необходимая в повествованиях такого рода ссылка на (мифического) прародителя, но он объявляется и основателем всего села Анди. В рассматриваемой рукописи имя «Шамхал» носит первопредок андийцев, т.е. человек, живший, согласно хронологической канве данного повествования, задолго до появления Сураката. Это время, когда, по представлению «хрониста», Дагестан только начал заселяться людьми. Таким образом, здесь можно наблюдать пример мифотворчества о родовом предке в его самом типичном виде. Автор «Тарих Анди», естественно, не знает, что Шамхал, и как имя, и как титул, относится в Дагестане ко времени более позднему, чем период правления полулегендарного Сураката, которого автор рукописи называет «ханом».

Автор повествования не замечает или его не смущают внутренние хронологические несоответствия излагаемых им событий. Представление о необходимости отличать факты от клише, часто мифических, отсутствует полностью. Это можно видеть как в изложении общих «концептуальных» моментов (шаблонный зачин о первоначальном заселении Дагестана, сюжеты об основании села Анди и образовании первых тухумов), так и в передаче «фактов» конкретного характера (описание торжеств в связи с переселением жителей села Дади в село Анди, количество скота, пригнанного андийским «ханом» в подарок на свадьбу сына кижанинского «хана», и многое другое). Не будучи обремененными багажом конкретных данных, авторы работ такого рода практически никогда не бывают свободны от личных предпочтений при интерпретации описываемых событий и фактов. Это особенно отражается в вопросах о первопоселенцах того или иного селения или первых его тухумах.

4. Источники «хроники». Автор «хроники» не располагал систематизированным набором оригинальных исторических источников. Он, по-видимому, был в курсе концепции, в которой излагалась основная линия раннего этапа общedaгестанской истории, и знал книгу, служившую своеобразной матрицей для сельских исторических «хроник» того времени – «Тарих Дагестан». При этом нельзя исключить, что автор рукописи располагал какими-то отрывочными записями, касающи-

мися отдельных событий из истории села. Об этом говорит, в частности, очень подробное описание стычки между жителями сел Анди и Кожани, приводимые подробности улаживания этого конфликта и особенно наличие даты, когда описываемый случай произошел. Характерно, что в рукописи приводятся всего четыре даты: две – касаются данного конфликта, третья – относится к появлению в Анди тухума Унсура, а четвертая – указывает на время правления «хана» Сураката. Интересно, что последняя из них отвечает «канонам», сложившимся в стародагестанской исторической традиции. Автор рукописи должен был быть знаком с произведением, где эта дата приводилась без ее привязки именно к Анди. Что же касается трех других дат, имеющих локальное значение, то они могли быть известны автору истории Анди в виде отрывочной записи на полях (может быть, даже в буквальном смысле) старой книги.

Основным источником для написания рассматриваемого труда послужили местные устные предания – большей частью туманные и мифологизированные. Последнее особенно относится, как уже отмечалось, к сюжету о возникновении села, его первопоселенцах и родовых предках.

5. Значение рукописи. Ценность рассматриваемой работы как источника по истории андийцев не приходится преувеличивать. В рукописи практически отсутствуют факты, на которые можно было бы опереться для доказательной реконструкции истории региона, о котором идет речь. Исключения могут составлять лишь несколько фрагментов текста. Например, внимания заслуживает описание событий, относящихся к появлению в Анди поселенцев из с. Кижани и образованию ими своего тухума. Не лишены интереса сведения о возникновении в селе тухума (подразделения тухума) Дадилол. В отличие от полностью мифологизированного сюжета о тухуме Шамххваладул или сверх меры романтизированного рассказа о поселении в Анди тухума Унсурилал в случаях, указанных выше, есть хотя бы попытка установить дату описываемого события и рассматривать его в общем историческом контексте региона. Сведения о тухуме Дадилол, например, выглядят хоть в какой-то своей части достоверными с учетом наличия документа, датированного рубежом XVIII–XIX вв. В последнем говорится о передаче представителями тухума Дадилол принадлежащей им издавна земли в аренду жителям селения Тандо [9, с. 82–84].

Говоря о значении рукописи, следует отметить, что, независимо от ценности данного сочинения как исторического источника, его можно рассматривать как письменный памятник, имеющий определенную историко-культурную значимость. Во-первых, он демонстрирует распространение на Северо-Западный регион Дагестана традиции написания локальных (сельских) историй – специфической общедагестанской традиции, которая берет начало в XIII–XIV вв.

Во-вторых, некоторые сведения, заключенные в рукописи, заслуживают внимания, даже если они далеки от достоверности. В качестве примера можно указать на описываемый в рукописи ритуал вызывания дождя с крестным ходом или обычай погребения умершего, который не исключает возможности отражения в нем обряда трупосожжения⁸. «Хронист» мог знать об этих обрядах из преданий, бытовавших в его среде. Конечно, конкретные события прошлого искажаются и трансформируются в коллективной памяти. Но это происходит не хаотично. Изменения, происходящие в исторической памяти, отражают социальные, политические и культурные наслоения, откладываемые временем и соответствующие тем или иным отрезкам общественного развития. Этот аспект заслуживает своего отдельного рассмотрения и обобщений. Последние могут базироваться на анализе совокупности локальных историй, написанных в Дагестане в средневековой арабомусульманской традиции, которой принадлежит и рассмотренная выше работа.

⁸ Можно допустить, что сведения об этом обычае являются отголоском зороастризма, связанного с влиянием, достигавшим Западного Дагестана, со стороны древнего Ирана. Правомерность такого допущения подтверждается наличием на территории традиционного обитания андийцев монументального сооружения – Андийских ворот, датированных примерно V–VII вв. и относящихся ориентировочно к сасанидской системе фортификации. Кроме того, в андийской ономастике и культурной лексике имеются признаки, указывающие на парфянские истоки.

Остается непонятным – является рассматриваемая рукопись завершённым трудом или это фрагмент большего по объёму сочинения? Причин тому, чтобы считать данное произведение незаконченным, у нас нет. Но, с другой стороны, завершение работы, посвящённой истории конкретного села, указанием даты правления общедагестанского (по определению автора рукописи) «хана» Сураката выглядит нелогичным и производит впечатление резко обрывающегося текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агларов М.А.* Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 2002. 304 с.
2. *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1969. 252 с.
3. *Криштона А.Е.* Дагестан в XIII – начале XV вв. М.: ТАУС, 2007. 228 с.
4. *Мусаев М.А.* Дагестанские арабоязычные биографические и историко-биографические сочинения XIX – начала XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 400 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/115-11933> (дата обращения: 01.07.2023).
5. *Агларов М.А., Айтберов Т.М.* «Повествование об Алибеге Андийском, о его победе над князем Турула-вом б.Али-ханом Баклулальским» как источник по истории Дагестана в XVII – нач. XIX вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1981. С. 121–133.
6. *Айтберов Т.М., Джидалаев Н.С.* О термине «уздень» на Северо-Восточном Кавказе // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 14–34.
7. *Шихсаидов А.Р.* Востоковедные исследования в Дагестане // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 4(40). С. 11–32.
8. *Айтберов Т.М.* Вопросы датировки «Тарих Дагестан» // Актуальные проблемы развития государственности народов Кавказа: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвящённой 80-летию со дня рождения видного ученого-кавказоведа М.Г. Магомедова. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. С. 63–70.
9. *Айтберов Т.М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. Ч. 1. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1998. 126 с.

Поступила в редакцию 14.07.2023 г.

Принята к печати 28.08.2023 г.

Амирханов Хизри Амирханович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, зав. отделом археологии каменного века, Институт археологии РАН; 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; e-mail: amirkhanov@rambler.ru

Khizri A. Amirkhanov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, professor, head of the Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; 19, Dm. Ulyanov st., Moscow, 117292; e-mail: amirkhanov@rambler.ru

Чупанов Рашид Абакарович, независимый исследователь; e-mail: amirkhanov@rambler.ru

Rashid A. Chupanov, independent researcher; e-mail: amirkhanov@rambler.ru